

ПЛАВНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ В АНГЛИЙСКИЙ:
читаем от перевода до оригинала

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый

Издательство АСТ
Москва

УДК 811.111(075)
ББК 81.2Англ-93
О-70

Оруэлл, Джордж.

О-70 Nineteen Eighty-Four = Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый. А1+А2 / Джордж Оруэлл. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 96 с.

ISBN 978-5-17-166263-9

Мир, в котором за каждым шагом следит Большой Брат, а правда меняется по приказу власти. Мир, где свобода становится преступлением, а память — опасным оружием. Но что, если этот великий роман поможет вам быстрее освоить английский язык?

Книга «1984» продолжает серию «Плавное погружение», предлагающую новый способ чтения классики — без стресса и перегрузки. Забудьте о сложных оригинальных текстах и постоянном обращении к словарю: методика построена на постепенном переходе от русского языка к английскому. С каждой страницей вы всё глубже погружаетесь в язык, естественно осваивая новую лексику и грамматические конструкции.

Напряжённый сюжет, яркие образы и идеи, которые остаются актуальными спустя десятилетия, делают чтение по-настоящему увлекательным, а адаптация для уровней А1–А2 позволяет наслаждаться произведением, не теряясь в тексте. Для незнакомых слов и выражений предусмотрены подсказки и словарики, которые помогут уверенно двигаться вперёд.

Откройте книгу и сделайте первый шаг в мир, где слова способны менять реальность. Главное — не забывайте: Большой Брат всегда следит за вами...

УДК 811.111(075)
ББК 81.2Англ-93

ISBN 978-5-17-166263-9

© Сухова К. Р., адаптация, глоссарий, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

PART I / ЧАСТЬ 1

I

Cold April. Съжившись, Уинстон Смит, которому было thirty-nine, вошел в жилой дом **Victory**. В вестибюле пахло вареной cabbage. На стене висел poster с огромным face человека about forty-five с black усами.

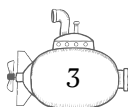
Когда he вошел к себе, voice из вмонтированной в стену room металлической пластины зачитывал сводку о выплавке чугуна. Уинстон сделал it тише, because выключить совсем нельзя. Он came к окну: светловолосый, thin, в партийной blue uniform.

Мир казался cold. На street шуршал ветерок и, хотя ярко светило sun, все выглядело бесцветным, кроме плакатов. **BIG BROTHER СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ** — гласила надпись на них, а темные eyes смотрели прямо в душу. Ниже на ветру бился другой poster со словом **АНГСОЦ**. Вдали, как big синяя муха, парил вертолет. Это police заглядывала в windows.

Телеэкран *worked* на приём и передачу, фиксируя всё, кроме шепота, и *watch him*. Приходилось *live* под постоянным надзором.

Вдали, высилось big white здание Министерства Правды — place его работы. Вот он London, главный city Взлетно-посадочной полосы I. Он попытался вспомнить **childhood**, вспомнить, таким ли был this city раньше. Но увы, he can't. The Ministry Правды — на новоязе Миниправда, отличалось от houses вокруг. Оно было огромным, а на фасаде были написаны three партийных slogans:

WAR — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — ЭТО СИЛА

Говорили, что в the Ministry Правды many rooms над и под землей. В London было еще three высоких buildings. Это were four министерства — правительство. The Ministry Правды заведовало information, развлечениями, образованием и art. The Ministry Мира заведовало war. The Ministry Любви поддерживало закон и порядок. The Ministry Изобилия отвечало за экономику. На новоязе их называли Миниправда, Минимир, Минилюб и Минизо.

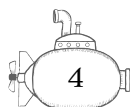
Уинстон обернулся, сделав optimistic выражение face, — так надо было делать перед телеэкраном и прошел в kitchen. Он достал с полки bottle с наклейкой: *ДЖИН ПОБЕДА*. У него был отвратительный запах. Он налил почти полную cup и выпил it. Он покраснел, из eyes брызнули слезы. А moment спустя, его отпустило. Он вытащил a cigarette *ПОБЕДА*, и нечаянно перевернув ее, просыпал **tobacco**. С next он справился. Вернувшись в room, он сел за small table. Достал pen, чернила и толстую book.

Почему-то телеэкран в его room был установлен не как у всех: его обзор был ограничен. To the left of телеэкрана была небольшая ниша, где Уинстон сейчас и sit. Телеэкран не see его, но слышал. Эта черта room и подтолкнула его кое-что начать. На эту мысль его натолкнула и notebook. It была очень красива. Гладкая кремовая paper, которую не выпускали уже давно. Он заметил ее на витрине little лавки в трущобном районе city и bought it. Считалось, что партийцы не должны ходить в обычные shops, но шнурки или бритвенные лезвия в other месте не купить.

Уинстон решил вести **dairy**. Это не было запрещено, but if кого-нибудь поймали, то наказанием была бы death или лагерь. Уинстон вставил перышко в pen. Перьевыми ручками уже давно не write, но he тайно раздобыл it. Now писали только short notes, а все остальное наговаривали в диктограф.

Он чуть замешкался: внутри something задрожало. Коснуться paper — и пути назад нет. Маленькими корявыми letters он wrote:

4 апреля 1984 года.

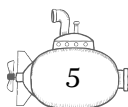
И задумался: он не был **sure**, that сейчас 1984 год, всегда был риск ошибиться.

Для кого же *he writes?* Для *future?* Уинстон again подумал над *date*, и тут на ум пришло *word* из новояза — *двоемыслие*. Только теперь *he* осознал масштабы начатого. *If* завтра будет как сегодня — оно не *hear, if* иным — его беды бессмысленны. Он сидел, уставившись в *paper*. Время шло, а в голове *nothing*. И вдруг *he started* писать:

4 апреля 1984 года. *Yesterday* в кино. военные *films*. Судно с беженцами *bombed*. *Public* позабавили кадры где толстяк пытается *swim* от преследовавшего его *helicopter*. показали, как он барахтается в *water*, потом его показали через прицел, *then* он продырявлен и *water* вокруг *pink* и он тонет, зрители **laughed**. потом показали *boat* и вертолет над ними, в шлюпке была *woman* с *little* мальчиком на руках, *boy* кричал и прятался а *woman* утешала его хотя сама испугалась, потом *helicopter* сбросил бомбу, вспышка и *boat* разлетелась в щепки, потом *nice* кадр оторванная детская *arm*. было *a lot of* аплодисментов среди партийцев *but* женщина из пролов вдруг стала *shout* нельзя *show* это при *children* нельзя пока *police* не вывела ее не думаю что ей что-то будет...

Уинстон *stopped*. Он не понимал, *why* вдруг он *write* все это. Но *while* он писал, понял: *one* случай заставил его начать *dairy*. Все **happened** утром в Министерстве. *If* можно *say* случилось о таком...

Было около *eleven*, в Отделе Документации, где Уинстон *worked*, все готовились к *Two Minute Hate*. Уинстон уже устраивался, когда в *hall* вошли двое. *Faces* знакомые. Первой вошла *girl*, которую он часто видел в *corridors*. Он не знал ее *name*, но знал, что *she works* в Художественном Отделе. Ей было около *twenty-seven*, она *was* темноволосой, веснушчатой, держалась самоуверенно. На ней алый пояс — эмблема Молодежного Антиполового Союза. Уинстон сразу невзлюбил *her*: от нее веяло *atmosphere* хоккея, закаливаний, походов и *intellectual* невинности. Уинстону не нравились почти все *women*, особенно юные и *nice*. Именно они были самыми фанатичными

партийцами. Once в коридоре she looked на него очень сурово, Уинстон felt странную неловкость и fear.

Вторым вошел man по имени О'Брайен — член Внутренней Партии, занимавший important post, Уинстон had лишь смутное представление о him. При виде his black комбинезона people мгновенно замолкали. О'Брайен был крупным man с грубым face, но обаятельным. Его тянуло к нему, в глубине души он надеялся, что political взгляды О'Брайена не такие уж perfect. Он производил впечатление person, с которым можно talk.

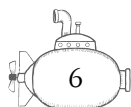
Началась Hate.

На экране появился главный Враг Эммануэль Гольдштейн. Когда-то он был one of вождей Партии, но потом became контр-революционером. Его приговорили к death, но он бежал, где-то скрывался и плел интриги. Программа Two Minute Hate каждый день менялась, но в главной роли always был Гольдштейн. Он as usual начал с преувеличенных нападок на Партию. But временами it **sounded** вполне правдоподобно и казалось, что кто-то мог believe. Для усиления эффекта на экране маршировали Eurasian soldiers.

Не прошло и thirty секунд с начала Two Minute Hate, а половина зрителей уже не могла сдерживать себя: слышались shouts. Все hated Гольдштейна, его теории опровергались, разоблачались, но влияние не уменьшалось: Police Мысли работала every day. Он commanded подпольной сетью заговорщиков (Братством). Ходили слухи о страшной book, с его theories. It распространялась нелегально, без названия.

К second минуте hate переросла в сумасшествие. People вскакивали и кричали. В какой-то moment Уинстон осознал, что тоже shout. Временами Уинстон hated Гольдштейна, а иногда Big Brother, Партию, Police Мысли. Порой удавалось control свою hate. Уинстон перенес it на темноволосую девушку behind. Он представлял, насилует, kill her за ее молодость и beauty.

Hate достигла своего пика. Раздался вздох облегчения: фигура врага исчезла, на screen появилось лицо Big Brother и три лозунга Партии:

WAR — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — ЭТО POWER

Спасение! Во время Two Minute Hate Уинстон тоже впадал в общее безумие, иначе нельзя. Скрывать **feelings**, следить за face, поступать как все — это уже instinct. Но был moment, когда eyes могли его выдать. И как раз тогда он crossed взглядами с О'Брайеном. Уинстон понял — О'Брайен думает о the same. Their мысли передались друг другу. А потом этот проблеск погас, и face О'Брайена стало прежним. Вот и все: Уинстон wasn't уверен, было ли это. Such случаи укрепляли веру в то, что, кроме него, есть еще враги у Party.

Уинстон встрепенулся, when saw, что он машинально wrote, причем big и несколько раз:

ДОЛОЙ BIG BROTHER!

Его охватила panic, хотелось вырвать исписанные pages и stop. Но он не стал, это же бесполезно. Police Мысли все равно get его. Он уже совершил самое серьезное crime — преступно мыслил.

Арестовывали всегда at night. Внезапное пробуждение, грубость, свет в eyes. Не было суда, люди просто исчезали. Уничтожалось любое упоминание о you, жизнь забывалась. Ты испарялся. На moment Уинстона охватила истерика. Он начал write быстро и неаккуратно:

they расстреляют те и пусть выстрелят в затылок и пусть долой big brother they всегда стреляют в затылок...

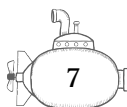
Он стыдливо отстранился от table и вздрогнул: в door постучали...

DICTIONRY

Victory — победа

Tobacco — табак

Childhood — детство

Dairy — дневник

Sure — уверенный

Laughed (inf. laugh) — смеяться

Happened (inf. happen) — случаться

Sounded (inf. sound) — звучать

Feelings — чувства

II

Подойдя к door, Уинстон увидел, что оставил dairy на столе opened. Опрометчиво! Он открыл door. Облегчение: на пороге стояла подавленная растрепанная woman.

— Товарищ, — начала she, — мне показалось, что вы at home. Не могли бы вы посмотреть **sink** на кухне? It засорилась и...

Это была соседка Mrs. Parsons. (Следовало бы use «товарищ», но some women все равно называли «миссис»). Ей было около thirty, но она looked older. Уинстон пошел за ней. Что-то fix приходилось чуть ли не daily. Дом Victory был old, все в нем разваливалось.

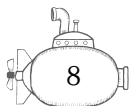
— Конечно, if Том был дома, — неуверенно said миссис Парсонс.

Их квартира была bigger его, но very запущенная. На wall висели алые вымпелы Молодежного Союза и разведчиков и **huge** плакат с Big Brother. Пахло, как и во всем доме, вареной cabbage, но резкая вонь пота хозяина перебивала this smell. В next комнате кто-то подыгрывал военной music из телеэкрана.

Раковина засорилась и was полна dirty водой. Он нехотя прочистил it под беспомощным взглядом миссис Парсонс, who посетовала на отсутствие мужа again.

Парсонс worked с Уинстоном в Министерстве Правды. Fat and глуповатый, преданный трудяга-партиец. В Министерстве он занимал незначительный post. Зато he was видной фигурой в Спорткомитете. Резкий запах пота — признак бурной activity, был с ним **everywhere**.

Уинстон закончил и вдруг на него налетели дети:

— Hands up! — Мальчонка выскочил и наставил на Уинстона игрушечный **gun**. Его младшая sister целилась в него деревяшкой. На обоих была форма Разведчиков. Уинстон поднял hands. Ему стало не по себе. The boy как будто не played.

— Предатель! — орал the boy.

Дети скакали round him и вопили. All this немного пугало.

— Они порой so noisy, — said Mrs. Parsons, — Расстроены, что не посмотрят на казнь. I can't пойти с ними, а Том не успеет с work.

Он вспомнил, что tonight в Парке будут вешать евразийских пленных. Казни устраивались раз в month и были популярным зрелищем.

Попрощавшись с миссис Парсонс, Уинстон, не успев went к себе got удар в затылок. Он обернулся и saw, как миссис Парсонс затаскивает в flat своего son, а тот прячет в карман рогатку.

Вернувшись к себе, он прошмыгнул мимо телеэкрана и, потирая писк, уселся за table.

Он подумал, что Mrs. Parsons' life — ад: скоро дети станут spy за ней. Их сознательно превращают в дикарей через hero game. Люди боятся own детей — каждую week газеты сообщали о доносах на parents.

Он нерешительно взял pen, не зная, о чем write. И вдруг think об О'Брайене.

Несколько years назад ему приснился сон, что he идет через dark комнату. И кто-то said: «Мы meet там, где будет светло». Интересно, что во сне, эти words не произвели на него впечатления, but позже он понял: это was O'Brien. Даже after того, как они today переглянулись, Уинстон не мог decide: О'Брайен friend или enemy? Хотя больше важно то, что между ними возникло понимание.

Телеэкран вдруг paused. Звук фанфар наполнил комнату. Голос передал the win на фронте. Жди беды, thought Уинстон. И вот: последовала news о сокращении норм выдачи chocolate.

Уинстон came к окну. На улице still было холодно. Где-то далеко взорвалась rocket. Они падали на Лондон every week. Wind по-прежнему трепал poster АНГСОЦа. Священные principles Ангсоца.

Новояз, двоемыслие, меняющееся *past*. Уинстону казалось, *that he lost*. Прошное *dead*, будущее не вообразить. Он не был уверен *that*, что хоть кто-то на его *side*. Как узнать, что диктатура Party не вечна? В ответ он *saw* три лозунга Party на фасаде Министерства Правды:

WAR — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — ЭТО POWER

Уинстон *took* из кармана монету в *twenty-five* центов. На ней были те же лозунги, и *Big Brother* с другой стороны. Глаза следили отовсюду, а *voice* везде сопровождал.

Sun переместилось *and* тысячи окон Министерства Правды потемнели и стали *look like* бойницы. От этого вида *heart* Уинстона сжалось. Он снова подумал, *for whom* пишет дневник. Для *future* или *past*, или для *imagined* мира? Его самого ждала не *death*, а ликвидация. *Dairy* превратят в пепел, а его испарят. Лишь *Police Мысли* прочтет дневник, *before* чем уничтожить. Как обращаться к *future*, *if* от вас не останется ни следа, ни *word*?

Телеэкран пробил *fourteen*. Через *ten minutes* выходить. В *fourteen* тридцать *he must be* на работе.

Как ни странно, но *clock* вдохновили его. Он *back* к столу и *wrote*:

Будущему или past, когда мысль free, люди different, не одиноки, — времени, когда есть truth и сделанное нельзя call не-сделанным.

Из века однообразия, одиночества, века Big Brother, двоемыслия — hello!

Я уже умер, — подумал *he*. Ему показалось, что *only now*, когда ему удалось выразить мысль, он решился и записал:

Crime не влечет за собой death: преступление мысли IS смерть.

Он *put* дневник в **drawer**. Прятать бессмысленно, но можно *check*, найдут ли *it*.